

**ВИКТОР
МИЛИТАРЕВ**

РУССКАЯ
КОЛОННА

Против всех

Виктор Милитарев

Русская колонна

«Алисторус»

2008

УДК 323
ББК 63.3(2)

Милитарев В. Ю.

Русская колонна / В. Ю. Милитарев — «Алисторус»,
2008 — (Против всех)

ISBN 978-5-9265-0549-5

В Советском Союзе большинство населения можно было отнести к среднему классу. За последние 12 лет власть в союзе с олигархией обворовывала наш народ восемь раз. Сейчас в обществе сложились настроения, аналогичные тем, которыми были пронизаны обворованные средние немцы и французы перед буржуазными революциями, то есть настроения левобуржуазные. Уже слышна тяжелая поступь русской колонны...

УДК 323
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9265-0549-5

© Милитарев В. Ю., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

Часть 1. Вместо птицы-тройки...	6
Почему я вас ненавижу	6
Вместо птицы-тройки – собачья свадьба	9
Большая часть русских воспринимает сложившийся порядок вещей как глубоко несправедливый	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Милитарев

Русская колонна

© Милитарев В. Ю., 2008

© Денисов М. А., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Часть 1. Вместо птицы-тройки...

Почему я вас ненавижу

Вы спрашиваете, почему я вас ненавижу? Потому что я вас ЗНАЮ! Это вы в 1989 году бегали НЕИЗВЕСТНО КУДА (так ведь, сволочи, и до сих пор не признались), а, возвратившись оттуда, имели вид директоров академических институтов, вернувшихся со встречи в ЦК КПСС. Это вы тогда, сразу же, как вернулись, начали говорить: «К черту этого дурака Горбачева. Горбачев – слабак. Горбачев – битая карта. У нас есть наконец свой кандидат в лидеры страны». А когда я говорил вам: «Ребята, вы с ума сошли! Вы ставите на кон судьбу страны!» – вы отвечали мне: «Старик, власть – это такая штука, что ради нее и родную маму поставишь на кон!». Да. Тогда мы с вами еще разговаривали.

Это вы призывали народ в 1990 году к захвату телецентра в Вильнюсе. Это вы потом утверждали, что выстрелы в народ произведены кровавым КГБ. Это вы называли лжецами и подонками тех, кто говорил, что выстрелы произведены со стороны «Саудиса». Это вы потом объявляли нерукоподаваемыми мерзавцами каждого, кто осторожно намекал на возможность связи прибалтийских народных фронтов с американскими спецслужбами.

Это вы потом бегали по Москве и Вильнюсу, призывая к отставке Горбачева, у которого «руки по локоть, по самый локоть в крови!». Это вы собирали митинги, призывавшие к свержению тоталитарного режима, непринужденно не замечая того тривиального обстоятельства, что при тоталитарном режиме у вас вряд ли была бы возможность созывать какой-либо митинг!

Это вы убедили страну в том, что свердловский обкомыч с печатью антропологической катастрофы на харе есть верховная надежда российского народа. Это вы отмахивались от свердловских историй про то, как пьяный Ельцин заставлял членов обкома в партсанатории по ночам играть с ним в волейбол и завязывать себе шнурки.

Это вы, когда Ельцин провел все турне по Америке в зююю пьяным, утверждали, что Ельцин был трезв, а его отравил кровавый КГБ. Это вы нагло отрицали подлинность европейских фотографий, на которых возвратившийся из Америки в Москву Ельцин был запечатлен справляющим малую нужду под колеса самолета.

Это вы в 1993 году, когда тот же ваш Ельцин в том же состоянии явился на переговоры с депутатами Верховного Совета и членами Конституционного суда, утверждали, что Ельцин был трезв как стекло, просто у него был тяжелый сердечно-сосудистый приступ. А что перегаром воняло на весь Верховный Совет – так это у нас, у красно-коричневой сволочи, обонятельные галлюцинации.

Это вы убедили народ в 1991 году голосовать за Ельцина как президента, и вы же в августе собрали людей защищать ельцинскую резиденцию. И уже тогда я не только ненавижу вас, но и честно презирал собранную вами толпу добровольных самообманщиков. Любому нормальному человеку уже тогда было ясно, что Ельцин – типичная злобная номенклатурная сволочь. И уже тогда прийти защищать его как символ нашей свободы было наглой и непростительной глупостью. И уже тогда я запомнил эти лица с «особым выражением», лица людей, обкурившихся «демократической травой». Уже тогда я запомнил эти чуть выпученные глаза, расслабленную эйфорическую улыбку и ломко-визгливые интонации.

Это вы призывали народ признать ничтожными результаты референдума о сохранении Советского Союза и поддержать Беловежский сепаратистский беспредел.

Это вы в течение 1992–1993 годов вели по нарастающей кампанию по дискредитации законно избранных депутатов Верховного Совета России. Это вы пустили в обиход гнусное

словечко «красно-коричневые», которым должен был быть заклеимен любой, даже самый мягкий оппонент вашего Ельцина.

Это вы инициировали разбойничью реформу 1992 года, приведшую к обнищанию нашего народа и развалу промышленности и сельского хозяйства. Это вы придумали стратегию, согласно которой можно было с легкостью игнорировать аргументы депутатов Верховного Совета, направленные на то, чтобы доказать, что Ельцин рвется к диктатуре, а реформы приводят совсем не к тем результатам, какие были обещаны реформаторами. Вы попросту предложили не обращать внимание на бред этих депутатов. Ведь ребенку ясно, что противиться реформам может только законченная красно-коричневая сволочь. К тому же достаточно посмотреть на гнусные рожи этих депутатов, и любому нормальному человеку станет все ясно.

Это вы, расстреливая в Москве Белый дом, имели наглость еще раз призвать народ вас поддержать. И, к моему жгучему стыду, опять нашлись тысячи придурков с выпученными глазами и блаженными улыбками, не постыдившихся поддержать вас.

Тогда же вы в Киеве доказывали, что только законченный подонок может противиться украинизации высшего и среднего образования в русскоговорящих регионах Украины.

Уже тогда, в 1993 году, начали трогательно сливаться ваши московские и киевские вопли. В Москве выли «раздавите гадину!», требуя расстрелять лидеров разбитого, но непокоренного Верховного Совета. И только категорический запрет Клинтона спас жизнь российских народных избранников. В Киеве в те же месяцы призывали «крепко дать по харе обнаглевшим украинофобам, уже закинувшим свои грязные ноги на стол». Так свидомая сволочь квалифицировала людей, желавших преподавать в вузах на своем родном языке.

Потом вы потихонечку заткнулись. Но не потому, что вам стало стыдно или вы сменили свои убеждения. Просто вы более или менее добились своего. В России была протащена ельцинско-жириновская конституция и ваучерная приватизация. На Украине успешно шла дерегуляция всех сфер общественной жизни. В обеих странах потихоньку стал зарождаться новый олигархический класс. Потихоньку шло сращивание коррумпированной бюрократии с олигархической компрадорской буржуазией и откровенным криминалитетом. Потихоньку сворачивались оставшиеся от советской власти социальные программы, социальное расслоение успешно шло вперед семимильными темпами. Наши братские страны, нищая, форсированно двигались из Европы в Латинскую Америку.

И вы, конечно, молчали! Ведь вы добились своего. Свобода, демократия, права человека и общечеловеческие ценности, наконец, бесповоротно победили и в России, и на Украине. Как выразился незабвенный Бурбулис, «есть шанс, что реформы, наконец, стали необратимыми».

Правда, вы еще пару раз пошумели. Это было во время вторых туров выборов президентов России и Украины. В 1996 году вы надрывались, агитируя против Зюганова, а в 2000-м – против Симоненко. Конечно, мы тогда наслушались от вас множество ужасов про «возврат назад», «пустые прилавки» и «полные концлагеря». Но это уже было как-то вяло. Вашему лаю явно не хватало искренности. Чувствовалось, что вы не верите всерьез в возможность победы коммунистов и гавкаете так, больше для порядка.

А после прихода к власти в России Путина возникло ощущение, что вы наконец сдохли. Особенно радостно было после дня выборов в 2003 году, когда наш народ не пустил вас в парламент. Казалось, что без вас и солнышко светит ярче и небо голубей.

Но не прошло и полугода, как пришла отрезвляющая ясность. К сожалению, вы, кажется, бессмертны. Как навозные мухи, крысы и тараканы. Если вас регулярно не травить, вы опять самозарождаетесь из грязи и навоза.

Правда, в России, где большая часть народа дала понять на выборах, что не желает вас больше видеть, вы пытаетесь воскреснуть пока еще довольно робко и осторожно. Шума еще не слышно. Но вонь уже отчетливо чувствуется. Уж собирают городские сумасшедшие свои геральдические комиссии, чтобы выяснить наконец, раз и навсегда, кто из политических оппо-

нентов является абсолютно безнравственным и нерукоподаваемым, а кому, хоть он и последний мерзавец, но руку подавать пока еще можно.

Но по сравнению с тем, что происходит на братской Украине, наша дурка может считаться санаторным отделением дома скорби. А уж там на Украине – сплошное раздолье для буйно помешанных. Площадь Независимости превращена в майдан невменяемых. Опять видны выпученные глаза и блаженные ухмылки, слышен визг. И здесь вы, в отличие от России, уже почти на грани победы. Вам удалось убедить немалую часть народа в том, что рядовой кучмовский номенклатурщик с лицом Вия – есть последняя надежда украинского народа. Он окружен со всех сторон американскими специалистами в штатском по разрешению конфликтов, недобитыми бандеровцами, специалистами по добыче нефти из магистральных трубопроводов, недопосаженными остатками лазаренковского клана, мечтающими взять реванш и устроить вселенскую шмазь своим коллегам-конкурентам из высших сфер криминального бизнеса – в общем, чистейшей воды либерал. И эту оранжевую плесень вы объявили нашим всем. Вы пустили в народ миф о том, что на следующий день после вашего прихода к власти на Украине настанет демократия, социальная справедливость и экономическое процветание. Вы нейтрализовали ваших оппонентов в глазах ваших сторонников простым, до боли знакомым аргументом. Разве может сказать что-нибудь разумное тупое быдло, к тому же возглавляемое профессиональными уголовниками? Оно, конечно, наши оранжевые урки – самые честные урки в мире. Не то что ихние донецкие! У наших урок и шарфики на шее того же цвета, что у Чубайса шевелюра на голове. А глава РАО ЕЭС – это голова. Ему палец в рот не клади. Без света останешься.

Если бы вы ограничились только этим грязным оболваниванием народа, вы уже были бы мне омерзительны. Но вы с чистой совестью ставите Украину на грань гражданской войны, незаконно пытаетесь присвоить себе победу на президентских выборах, организуете омерзительную клоунскую процедуру фальшивого принесения президентской присяги...

И вы спрашиваете, почему я вас ненавижу? Ющенко – геть! Морок, рассыпся! Наше дело правое – победа будет за нами!

Вместо птицы-тройки – собачья свадьба

В нашей стране, по сути, существует режим внутренней оккупации – оккупационный режим, осуществляемый не иностранцами и не инородцами. Я бы квалифицировал его как блок связанной с мировым рынком компрадорской сырьевой и сырьево-финансовой олигархии с коррумпированной бюрократией и откровенным криминалитетом.

Более того, всех остальных я считал бы русским народом – не этнически, а социально – и рабочих, и крестьян, и интеллигенцию, и мелкий, средний и крупный национально ориентированный бизнес, понимая под национально ориентированным бизнесом бизнес, либо работающий на внутреннем рынке, либо замещающий импорт, либо экспортирующий продукцию с высокой добавленной стоимостью, а не занимающийся компрадорскими сделками по продаже сырья и разворовыванием госбюджета при помощи незаконного вывоза средств за границу и «откатов».

Скоро уже нашей экономике пора будет вводить макроэкономический показатель валового внутреннего «отката», поскольку в течение года вывозят 56 госбюджетов.

Что же произошло? Советская система, как к ней ни относиться (мое отношение к ней неоднозначно, я вижу в ней много хорошего и много плохого), была, прежде всего, внешним гетерономным ограничителем людей, как в плане морали, так и в плане солидарности.

Внутренней солидарности в ней почти не складывалось, но внешняя солидарность коллектива присутствовала, это можно представить как ящики с перегородочками; ящики убрали, началась энтропия. Более сильные получили то, что хотели, более слабые не получили ничего, да еще были обмануты.

В нашей политике можно взять похожую метафору: были бульдоги под ковром, Горбачев содрал этот коврик – и идет бульдожья свадьба по всей стране, где те бульдоги, которые раньше возились под ковром, теперь, прошу прощения, свою сучье-кобелью свадьбу играют по всем просторам необъятной Руси. Вместо птицы-тройки выступает собачья свадьба.

Процесс этот в некотором смысле даже естественноисторический. Если убираешь внешние ограничения в обществе однородном, в обществе, в котором не сложилось сильной внутренней морали, то подонки, обладающие способностью властвовать, даже не солидаризуясь (хотя иногда они солидаризуются), действуя в одном направлении, может быть, случайным образом выбраковывая наиболее бездарных в деле подлости из своей среды, создают кучную группу, которая держит, насилует, манипулирует, издевается над остальными простыми нормальными людьми, у которых есть моральные барьеры, не позволяющие им пользоваться технологиями, приносящими власть и богатство, а с другой стороны, есть простодушие и отсутствует солидарность, что позволяет сволочам над ними властвовать.

Все, что я говорю, не отменяет прямой моральной ответственности. Я лично уверен, что гайдаровская реформа была не только неквалифицированной, но и была заранее задумана как вредоносная относительно «этого быдла», хотя она оказалась более вредоносной, чем полагали ее авторы, потому что авторы не только ненавидели свой народ, но были бездарны и поэтому получили худший результат. Но это мое частное мнение. Это надо доказывать.

Я вполне понимаю, что и среди коммунистов, и среди либералов я могу найти единомышленников, мнение которых о прошлом будет различаться, но мнение о будущем будет сходиться. Я это формулирую так – просто, хотя и несколько парадоксально: Россия – для русских, свобода, справедливость, солидарность, демократия.

Слова «Россия для русских» ничего фашистского не обозначают. Они просто обозначают, что это страна нашего народа, нам в ней жить, и мы бы хотели строить здесь жизнь так, как мы хотим, а не так, как нам навязывают чужие дяди.

Это нормальное сочетание мягкого национализма, либеральных ценностей, социал-демократической экономической политики, политики выращивания предпринимательского класса (потому что мы находимся в условиях, когда вместо предпринимателей нам были предъявлены казнокрады и расхитители недр, которые «нормально башляют и распиливают»).

В принципе, Россия сегодня – территория, неблагоприятная для предпринимательства. Честных людей, которым удалось заработать себе состояние, можно перечесть по пальцам.

Наличие претензий к некоторым этнически нерусским, которые приезжают к нам сейчас из других республик бывшего Советского Союза, связано не с тем, что кому-то не нравятся чьи-то брюнетистые волосы или горбатый нос. Они связаны с тем, что люди, приехавшие из очень коррумпированных регионов, обладая опытом работы в условиях коррупции, не имея внутреннего несогласия на коррупцию, действительно составляют недобросовестную конкуренцию нормальным русским предпринимателям.

Русским – в широком смысле этого слова. Потому что слово «россиянин» – лживое, оно вуалирует то, что у нас в стране живут русские, и их подавляющее большинство.

Хотя, конечно, олигарх, в том числе этнически русский, любому южному предпринимателю даст фору в области подлости и умения работать в условиях коррупции. И так, как Березовский сидел в приемной у Коржакова и, в конце концов, выбил себе несколько миллиардов долларов, так никакой нормальный закавказский или северокавказский предприниматель просто не сумеет сделать.

Но, тем не менее, проблема эта не чисто этническая, а этнокультурная и связана с тем, что носители инородных культур привносят культуру несправедливости и в этом смысле являются врагами – морально.

Но главная проблема – в другом. Чтобы с этим справиться, нужно преодолеть разобщенность нашего общества.

Мы живем в такой сложившейся культуре, когда воля всех и общая воля различаются. Русские, говоря между собой по двое, говорят то, что думают, и говорят одно и то же. Каждый. Собравшись по трое, мы несем какие-то банальности и глупости. Слава богу, что советская власть кончилась, и мы не несем идеологические глупости, как на профсобраниях.

Поэтому для солидарности, помимо активных субъектов, то есть общественно-политических организаций, которые этим занимаются, либо местной власти, которая этому бы покровительствовала, нужно создание ситуации, когда мы бы разговаривали друг с другом публично, но при этом говорили бы так, как если бы были вдвоем.

В этом смысле я очень рассчитываю на альтернативные советы, очень рассчитываю на ситуации, когда власть, где по глупости, где провокационно, занимается структурным насилием, то есть вторгается в сферу личной жизни граждан. Тогда граждане солидаризуются.

Мы имели пример глупой антиалкогольной политики Горбачева и солидарности граждан в алкогольных очередях. Сейчас – вокруг ОСАГО тоже складывается солидарность, но ее пока недостаточно, хотя митинги, прошедшие по всей стране по делу Щербинского, были почти неорганизованными – да, есть форум Авто.ру, да, есть Партия автомобилистов, да, они помогли – но народ сам пошел.

Конечно, это парадоксально, что в ценностях нашего народа на верхнем уровне находится «достали автогражданкой», на втором уровне – «достали чурки» и только на третьем месте – олигархи, хотя, казалось бы, объективно все наоборот. Но если солидаризация пойдет снизу и найдется хоть какой-нибудь общественный агент, который поддержит ее сверху, то в конце концов до людей дойдут и основные истины.

Агитация Глазьева и Рогозина привела к тому, что средний москвич точно знает, что власть и олигархи грабят природную ренту, присваивая себе принадлежащее не им, а всему народу богатство. А всего-то несколько месяцев поагитировали, плюс несколько гениальных роликов.

Благодаря нескольким беседам с академиком Львовым я понял самое главное. Если я, 15 лет враг режима, понял это только недавно, то это, кажется, действительно нетривиально при внешней тривиальности звучания. Мы живем в ситуации искусственно организованной бедности. Власть в течение 15 лет искусственно организует бедность. Для этого есть два метода. Главное – даже не в олигархах, все это вторично.

Первое. В бюджетном секторе в 4 раза занижена зарплата. Ее отказываются поднимать, рассказывая всякие подлые сказки про инфляцию, производительность труда, «денег нету»... Зачем врать, что «денег нету»? Господа либералы говорят эту якобы либеральную истину. Причем говорят, что денег нет, даже сегодня, когда мы имеем гипердефляцию, я бы сказал. Все нормальные страны имеют дефицитный бюджет как инструмент социальной политики.

Второе. Мне это не приходило в голову, а академик пояснил в очень простых картинках. Подавляющее большинство налогов выплачивается бедными людьми. Богатые люди разным образом избавлены от налогообложения или имеют льготы по налогообложению, при том, что богатым 10 процентам граждан принадлежит больше половины страны и при том, что на рубль, вложенный в нашу экономику, нижний дециль получает 10 копеек, а верхний дециль – рубль с полтиной.

Наша экономика очень прибыльная, в ней даже есть скрытый экономический рост, но эти процессы связаны с постоянным распределением средств в пользу богатых. При этом – подчеркиваю – с этим просто ничего невозможно сделать, потому что сами богатые коррумпированы, и мы получили то, чего не было в мире: мы получили классовую борьбу по Марксу. И даже абсолютное обнищание пролетариата, то есть то, что для Европы было фальсификацией, ошибкой. И при этом мы не имеем силы, которая способна этому противостоять.

Сила, на мой взгляд, может заключаться только в союзе некомпрадорских предпринимателей с силами непредпринимательского типа. То есть и национализм, и социал-демократия – идеологии, в принципе, левые в социальном плане, хотя они могут быть правыми в смысле уважения государства, семьи и других правых ценностей. А предприниматели склонны быть и консерваторами в смысле семейных ценностей, и правыми либералами в смысле экономики.

Только союз предпринимателей, с одной стороны, и интеллигенции, которая защищает националистические и левосоциальные ценности, сможет создать механизм постоянной положительной обратной связи, который кристаллизует механизмы образования солидарности в нашем народе, без чего процесс изнасилования в особо циничной форме и в особо крупных размерах огромного народа группой частных лиц из нескольких десятков, в крайнем случае сотен людей может либо продолжаться вечно, либо закончится по мере выедания кормовой базы.

Слова, обращенные к власти, ни к чему не приведут. Это не имеет смысла, если только мы не знаем точно, что туда попал порядочный человек.

Во всех остальных случаях бесполезно и апеллировать к народу, потому что он пока не то что беспомощен, а беспомощен добровольно. Но просвещать его на эту тему надо. Потому что при массовой трусости нашего народа ощущение, что люди благополучные и влиятельные не боятся это все говорить, придает простому Ивану некоторое количество резервных психических сил. Но главное все-таки не это, хотя это важная вспомогательная технология.

Самое важное – это запуск механизмов солидарности, который заключается в сочетании просвещения с некоторым недовольством организаций. Если найдется предприниматель и парочка интеллектуалов вместе с ним (причем на равных, а не так – у кого бабки, тот и командует), которые создадут, например, десяток советов общественности микрорайонов и районов и нормально сделают оппозицию местным формальным муниципальным властям, которые лежат либо под крупным бизнесом, либо под губернатором, нарушая социальные права граждан, тогда кое-что может получиться.

Но при этом очень существенно то, что до сих пор нашим предпринимателям мешала стать начальным, катализирующим сегментом такой реакции ненависть как к левым идеям, так и к национализму. Иногда бывают предприниматели-националисты, но и они обязательно хотят быть национал-либералами.

Важно реально предлагать нашему народу сочетание национализма с социал-демократической экономической политикой – то есть политикой прорыночной, но ограниченной социальной справедливостью.

При этом мотором должен быть действительно союз интеллектуалов и предпринимателей, потому что без интеллектуалов не будет идей и технологий, без предпринимателей не будет бизнес-идей, которые интеллектуалы не очень умеют придумывать, и бизнес-технологий, и не будет ресурсов.

При этом таких предпринимателей очень мало. Может быть, мотором могла бы послужить сначала не партия, а, скажем, создание альтернативного РСПП, который объединил бы национально ориентированный капитал в том смысле, о котором я говорю.

Очень важна правозащитная работа. Я уже год ею занимаюсь – мы с моими друзьями создали Русское общественное движение; по крайней мере, на уровне Москвы отыгрываем все случаи, где обижают простого человека, причем обижают так, что это понятно другим простым людям.

Успешным у нас был только один проект, но нас 10 человек, и наши митинги – по 50 человек. Но мы добились оправдания Иванниковой. Более того, сколько бы нас правозащитники либерального закала ни упрекали: «А, сволочи, это потому что она черного убила, а если бы она русского убила, вы бы и не колыхнулись», – все все правильно поняли.

Дело не в том, что черного, а дело в том, что человека, имеющего странную психологию, который считает, что женщина, которая вечером садится в автомобиль, – проститутка. Эта психология не свойственна обязательно армянам и азербайджанцам, хотя части их – свойственна (так же, как свойственна она вполне белым итальянцам с юга Италии или андалузийским испанцам – недаром северные испанцы и итальянцы называют юг своей страны Африкой, так же презрительно, как мы говорим про «чурок»). Речь идет о социокультурных механизмах.

Но важно, чтобы это координировалось. Идеально было бы, чтоб постепенно складывались горизонтальные информационные сети, объединяющие общественность такого рода. То есть тут важна пропаганда. Пропаганда пока работает только в Интернете, потому что мы действительно присутствуем при возрождении мягкого брежневского авторитаризма. Я хочу быть справедлив к нашей власти: никакого тоталитаризма нет, это очень мягкий авторитаризм, почти без репрессий, но все-таки пытающийся монополизировать свободу слова и даже тем, кто высказывается в Интернете, пытающийся заткнуть рот.

Должна быть общественность, занимающаяся конкретными случаями, лучше в виде советов, патриотических политических инициатив, патриотических правозащитных инициатив.

Тогда удастся сформулировать простую программу, состоящую из следующих положений. Мы любим свою страну больше, чем иностранцев, мы считаем, что в нормальной стране (а мы хотим, чтобы наша страна была нормальной) обеспечение качественного уровня жизни всем или, по крайней мере, большинству должно быть задачей государства. Мы хотим, чтобы неравенство было минимизировано до приемлемых для нашей культуры размеров. Чтобы у власти были достойные люди, и чувство собственного достоинства поощрялось. Чтобы поощрялась низовая самоорганизация и базовая демократия. Чтобы у людей были гарантии безопасности, а значит, финансировалась оборонка, армия, правоохранительная система и спецслужбы. Чтобы признали самостоятельную ценность науки, образования, культуры и философии и финансировали их.

Простые, понятные идеи, часть из которых направлена на то, чтобы защищалась семья и рождаемость и поощрялся патриотизм. Да, это очень странный синтез национализма, консерватизма, социал-демократии и даже элементов классических либеральных ценностей, но именно это отвечает интересам, я думаю, не только нашей страны, но и всего мира.

Я говорю о попытке создать большой проект на будущее. То, что говорит Партия жизни, мне всегда нравилось: «Ну, вы же понимаете, Путин сам так думает, этим олигархам головы... Ну, вы же понимаете, в какой мы ситуации». Да, понимаю. Другое дело, что я начинаю не верить в то, что Путин в такой ситуации, потому что можно в ней находиться три-четыре года, но не восемь лет – и все в такой ситуации. Национализация «Сибнефти» в особенности меня удивила, потому что сумма, выплаченная коллективному Абрамовичу, превышает четырехгодичные платы за четыре национальных проекта. А не жирно будет? А не слипнется у коллективного Абрамовича? Странно это все. Но я сейчас не об этом.

Некоторые организации увлеклись выдуманным антифашизмом. Антифашизмом была технология, которую год назад пара моих друзей предложили администрации президента как внешнеполитическую технологию борьбы за права русских на Украине и в Прибалтике. А какие-то то ли дураки, то ли вредители решили использовать эту технологию для внутреннего пользования, называя фашистом любого человека, который говорит: «Я русский» или «Я боюсь миграции». В этом смысле то, что Русский марш назвали фашистским маршем, то, что решили против него устроить Антифашистский марш, возможно, было сделано властью для того, чтобы либералы не могли солидаризоваться с националистами в борьбе за права русского человека. Этого я тоже не могу исключить.

Так что такой политической силы нет. На чем она сложится, я пока не знаю. Я знаю множество мелких региональных, общественных и прочих организаций. Я очень надеюсь, что когда-нибудь их сеть все-таки сомкнется, потому что этот довольно странный синтез национализма, консерватизма и социал-демократии вообще-то очень прост для обычного русского человека, очень понятен для предпринимателя, который хочет не только обеспечивать свою семью, но и послужить своей стране. Он абсолютно понятен для офицера, даже если он чувствует себя в армии крайне дискомфортно или увольняется из нее по причине невозможности там больше находиться. Все просто и все понятно. Вопрос в том, что не хватает политической воли, финансовых и информационных ресурсов.

Большая часть русских воспринимает сложившийся порядок вещей как глубоко несправедливый

Подавляющее большинство нашего народа стремится к высокому уровню и качеству жизни для всех. Оно, это большинство, считает недопустимым и аморальным тот уровень социально-экономического неравенства, который мы наблюдаем в сегодняшней России. Люди желают сохранения всех социальных гарантий, доставшихся нам от Советского Союза, требуют национализации стратегических отраслей народного хозяйства, желают усиления государственного вмешательства в экономику, поддерживают идею сильного государства.

Вместе с тем, те же люди желают сохранения выборности властей всех уровней и других демократических процедур, требуют соблюдения гражданских прав, поддерживают идею рыночной экономики и частной собственности. Считая компрадорско-сырьевые капиталы воровскими и несправедливо нажитыми, эти люди вполне лояльно и дружелюбно относятся к мелкому и среднему бизнесу.

Однако эти же люди требуют проведения сильной внешней политики, хотят того, чтобы российское государство защищало права русских, русскоязычных и русского языка в сопредельных странах, считают, что интересы России гораздо важнее интересов других государств, и уж тем более важнее любых общечеловеческих ценностей. Эти люди хотят, чтобы Россия защищала интересы своих граждан за рубежом так, как это делают Соединенные Штаты, т. е. вплоть до вооруженной интервенции. Они любят повторять известный афоризм о том, что у России нет других друзей, кроме собственной армии и флота. Они хотят значительного укрепления наших вооруженных сил, правоохранительных органов и спецслужб. Они продолжают ругать советскую власть за то, что она в свое время «слишком много помогала всяким слабо развитым странам». И в этом отношении они являются классическими умеренными правыми националистами и государственниками в духе американских правых республиканцев или британских консерваторов.

Более того, эти же люди крайне недовольны наблюдающимся в последние годы усилением позиций северокавказских и закавказских диаспор в России. Эти диаспоры в частных беседах подвергаются жесткой критике. Их упрекают в агрессивности и экспансионизме. Многие считают, что представители диаспор ненавидят и презирают русских и других коренных жителей России. Большая часть этих людей выступает за борьбу с нелегальной миграцией и жесткие ограничения миграции легальной. Таким образом, мы видим у нашего молчаливого большинства ярко выраженными не только умеренно правые взгляды, но и взгляды почти радикально правые в духе Ле Пена и австрийской Партии свободы.

Наконец, все эти люди чрезвычайно миролюбивы. Они не желают ни восстаний, ни революций, опасаются гражданской войны, боятся резких перемен и предпочитают всему этому плавные и постепенные социальные реформы.

На сегодняшний день для действующего российского политика не считается с такими убеждениями своего народа – это плевать против ветра. Возможно, существой у нас в России партия типа французской коммунистической, имеющая более чем 50-летний опыт многообразно-переменчивой промывки мозгов собственной членской и социальной базы в угоду очередным капризам «товарищей из Москвы», мы и могли бы в чем-то переубедить наш народ. А так – нет. КПСС умерла, а либералам народ верить перестал. Даже когда они проповедуют из телевизора.

Разумеется, в России есть политики, готовые плевать против ветра, такие, как Чубайс и Хакамада. Но эти люди реально в российской политике не заинтересованы. Их интересует либо известность на Западе, либо возможность лоббировать свои интересы через коррупционные связи в исполнительной власти, либо вообще планы госпереворота.

Убеждения нашего народа, о которых говорилось выше, стали массовыми в период перестройки. В первые годы ельцинского правления они как бы отступили на задний план. Это не значит, что они перестали быть массовыми. Просто наш народ, поддавшись своей многовековой слабости – не верить самому себе, – как бы на время отложил их в сторону, пытаясь убедить себя в правоте извергающейся с телеэкранов либеральной пропаганды.

По мере осознания большинством населения факта провала гайдаро-ельцинских реформ эти убеждения снова вернулись на передний план народного сознания. Если бы гайдаровские реформы привели к существенному повышению уровня и качества жизни большинства русских, то взгляды этого большинства могли бы существенно сдвинуться в направлении к идеологии либерализма. Позорный провал гайдаровских реформ, напротив, привел к закреплению уже существующих социал-патриотических взглядов.

Если изначально эти взгляды возникли как попытка стихийного синтеза лучшего в уходящем советском прошлом с лучшим в надвигающемся «капиталистическом» будущем, то после провала «радикальных рыночных реформ» эти взгляды стали выражением массовых чаяний на альтернативное будущее России. На будущее, альтернативное позорной реальности, сложившейся в результате политики Ельцина и Гайдара.

Кстати, сложившаяся реальность могла быть гораздо более достойной, если бы Социал-демократ в свое время поспособствовал бы разоблачению ельцинского режима, а не дал бы ему молчаливую поддержку, поддавшись пропагандистской лжи о том, что альтернативой Ельцину являются коммунисты, которые-де гораздо хуже либералов.

Провал ельцинских реформ вызвал не просто глубочайшее разочарование народа в обещаниях лучшего будущего на пути реализации либеральных экономических программ. Люди испытывают ощущения массового социального и национального унижения. И всплеск надежд, связанный с правлением президента Путина, этого чувства унижения не компенсировал...

Настроения нашего народа последних десять лет очень напоминают массовые настроения немцев Веймарского периода.

Другое дело, что и гнев, и отчаяние, и разочарование сегодняшних русских гораздо более остры, чем сходные настроения немцев 1920-х годов. Неприязнь немцев к Веймарскому режиму во многом имела характер «самовызванной истерики». После победы над инфляцией объективное положение большинства в Веймарской Германии было гораздо лучшим, чем состояние большинства в сегодняшней России.

Бедности и несправедливости у нас сегодня гораздо больше. Больше и обмана со стороны властей. Если власти не отойдут, наконец, от гайдаровской экономической политики, то у сегодняшней России будет только два пути. Либо власть перейдет к умеренным русским националистам, являющимся одновременно социал-демократами, либо на волне вполне законного народного гнева к власти придут откровенные нацисты.

В этом смысле борьба с националистическим уклоном в российской социал-демократии является, с точки зрения будущего России, откровенно контрпродуктивной и самоубийственной. В аргументации наших противников из числа российских и европейских социал-демократов меня особенно удивляет тезис о несовместимости национализма с базовыми ценностями социал-демократии.

Неужели наши оппоненты забыли о том, что националистическая составляющая присутствовала и присутствует в мировой социал-демократии больше ста лет? Националистами были и остаются армянские дашнаки. Никогда не переставала быть националистической израильская Партия труда. Была националистической и чешская социал-демократия между мировыми войнами. Я уж не говорю о польских социалистах Пилсудского.

На сегодняшний день националистическими являются и большинство латиноамериканских левых партий. Отчетливое националистическое крыло присутствует в бразильской Партии трудящихся. Приведший к власти президента Уго Чавеса блок так и назывался: «Патриоти-

ческий Полюс». Кстати, программу Чавеса с микроскопом не отличишь от программ Глазьева и Рогозина.

И не надо лукавить, говоря о том, что в Латинской Америке слова «патриотизм» и «национализм» имеют совсем другое значение. Это такая же ложь и манипуляция, как и попытка лукаво различать национализм и патриотизм. Оба эти слова во всем мире имеют одно и то же значение.

Быть националистом – это значит: любить свою страну и свой народ, ставить интересы своей страны и своего народа выше интересов других стран и народов, бороться за суверенитет и свободу своей страны, за справедливое место своей страны в международном распределении статуса и ресурсов, добиваться национальной солидарности внутри своей страны по вопросам, затрагивающим весь народ.

Я не способен понять, что в так понимаемом национализме противоречит базовым ценностям социал-демократии? Более того. Именно так понимаемый национализм давно уже лежит в основании государственной политики и национального консенсуса большинства великих держав. Тем более непонятно, почему же этого мировоззрения не должны придерживаться государства бедные или находящиеся в кризисе? Ведь им для национального возрождения такой подход нужен гораздо больше, чем государствам сильным и благополучным.

Не проходит и возражение о том, что национализм социал-демократических и левых партий за пределами России является национализмом гражданских наций, а национализм российских левых является типичным этническим шовинизмом. Все это не так.

В Латинской Америке, конечно, нет проблемы этнических меньшинств. Мигранты, приехавшие в Латинскую Америку, предпочитают быстро ассимилироваться, и в современной Бразилии, к примеру, легко найти потомков от браков российских евреев с сирийскими арабами, являющихся типичными бразильскими патриотами, говорящими на родном бразильско-португальском языке. В этом смысле для латиноамериканского национализма главное – это борьба за сильное национальное государство, за социальную справедливость, борьба против американского империализма и местной предательской компрадорской буржуазии.

Но уже тех же дашнаков или членов израильской Аводы в отсутствии национальных чувств, весьма близких к чувствам, испытываемым сегодня большинством русских, никак не упрекнешь. А уж чешские социал-демократы межвоенного периода и вовсе перегнули палку в тщетных попытках ассимилировать судетских немцев. Сегодня их дурному примеру подражают социал-демократические партии стран Балтии.

В этом смысле попытка обвинить русских в грязном шовинизме только в связи с тем, что они относятся с определенной настороженностью к некоторым из новых российских диаспор, является откровенным лицемерием и нечистоплотностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.